

Рудольф Нуреев :

Татарин - хороший комплекс звериных черт.

И это то, что есть я

Даты обладают особой магией, когда не отмечаются как всенародные. Так меньше лжи и больше драматизма. 6 января 1998 года было пять лет со дня смерти Рудольфа Нуреева. А сегодня, 17 марта, ему исполнилось бы 60

«Истина проста: никогда не возвращаясь в прежние места...»

Ноябрь 1987-го. Фотокорреспонденту ТАСС в Башкирии Виктор Воногу позвонили с оперативного выпуска: в Уфу прилетает Рудольф Нуреев, надо снять его встречу с матерью. Виктор не очень себе представлял, что это за фигура, позвонил в обком партии. «Нуреев? — с оживленным удивлением переспросили там. — Очень хорошо...» «Не Зия Нуреев, а Рудольф...» — пояснил Воног.

Зия Нуреев — некогда 1-й секретарь Башкирского обкома КПСС, не последний был человек, так что оживление в связи с ним было понятным. А по поводу другого Нуреева (кстати, сам Рудольф называл себя Нуреевым, как в паспорте) надо было звонить «куда следует» — в КГБ. А уж там дали исчерпывающую информацию: беглый танцор, а сегодня — директор парижской Гранд-опера, в Уфе пробудет сутки, цель приезда — повидаться с тяжелобольной матерью. Они не виделись со времени скандальной эмиграции Нуреева в 1961-м, когда он попросил политического убежища у французов во время гастролей Кировского театра в Париже.

Самолет прибывал в два ночи. Воног, живой синоним обстоятельности и педантизма, по обыкновению загодя, с учетом всех возможных ракурсов установил на летном поле аппаратуру.

Подкатили второй трап, по нему стал спускаться одинокий пассажир, который впечатлял своей очевидно нездешней наружностью. Высокие зашнурованные ботинки, длинное, свободное пальто, намотанный поверх него шарф, изысканный берет. Держится с достоинством, очень прямо, так что невысокий, как позже выяснилось, герой, которого на пустом трапе и сравнить было не с кем, казался просто великаном. Вспышка, щелчок, Нуреев заметно вздрогнул и как-то замер на секунду — ждал, похоже, подвоха на родной земле, но тут улыбающийся мужчина, протягивая руку, уже объяснял, кто он такой. Всего-то — корреспондент. Просто хотел бы познакомиться с Рудольфом, проезд, особенно встречу с матерью. «Дома — нет», — неожиданно резко ответил гость.

В редкой толпе встречающих маленькая женщина в кургузой шапке несмело окликнула: «Рудик!» Он заулыбался, узнав сестру Розиду, рядом с ней топтался неприметный недоросль — племянник Витя. Утром, как договорились, Воног подкатил к гостинице «Россия». Рудольф вышел из номера с огромной сумкой, которую Виктор еле втиснул в багажник своего «жигуленка». В салон сели сам Рудольф с сестрой и молчаливый племян. Воног внутренне торжествовал — так удачно все складывается: сейчас, возле дома матери, он повторит свою просьбу... Но случился облом: «Я ведь уже сказал», — отказ отдавал металлом.

(Окончание на 8-й стр.).

Рудольф Нуреев :

Татарин - хороший комплекс

звериных черт. И это то, что есть я

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Рудольф, давно приучивший свет к тому, что может обитать лишь в шикарных интерьерах, не мог допустить такого размытия своего имиджа. Коллекция его картин могла конкурировать с лучшими музеями мира, у него был даже собственный остров...

Но, думается, пугала его не только убогость декораций. С того момента, как он совершил свой легендарный прыжок в аэропорту Бурже, отец с матерью прислали ему одно-единственное письмо, точнее — заклинание на тему «Вернись, мы все простим...». Как рассказывала мне позже Розид Хаметовна, мама тогда, в 87-м, была уже настолько плоха, что «блудного» сына так и не узнала (или не пожелала узнавать?). А Розиде так хотелось, чтоб долгожданное примирение состоялось. Но, видно, не судьба была Рудольфу получить родительское прощение, как ни нуждалась в нем тогда его уже измученная душа... Так что через полтора часа вышел он к заскучавшему было попутчику подавленный, и они покатались в оперный, где Нуреев с 1953-го по 1955-й служил солистом балета. Там шла реконструкция в последней фазе, когда вешаются уже хрустали и кладутся дорогостоящие паркетные. Естественно, внутри никого не пускали. Но вахтерша попалаась, к счастью, сообразительная и быстро смекнула, что за птица к ним залетела. Так что к прибытию в театр директора Башкирской оперы директор оперы парижской уже начал экскурсы в закоулки своей памяти.

«Вот бы ты тут изобразил что-нибудь!» — как бы простодушно попросил Воног, и не успел он настроиться, как Нуреев... внезапно прыгнул. Фотограф помнит не столько то, что снял, сколько то, что снять не успел: «сумерки, полутени, энергетика огромной черной птицы...» «Что, перекрытия — железные?» — спросил Нуреев у директора. «Да что вы, настоящая корабельная сосна!» — у Ахмадеева не было оснований не верить бакинским проектировщикам. Нуреев потрогал ногой пол. «Жестко. Железные...» — остался он при своем. Потом надолго застрял возле стенда с любительскими фотографиями, стал называть фамилии — многих помнил. Им тут же бросились звонить... Но и это увязло в сумерках — все телефоны молчали, как заговоренные.

Им не везло. Поехали в хореографическое училище, но охранник оказался непреклонным и в воскресенье пусть даже иноземца не пустил. Получивший от ворот поворот Нуреев остановился возле сколоченного деревянного сортира: «Такого я больше нигде не видел, снимки меня тут...» Но «у советских — собственная гордость», и на этот раз уже Виктор фотографировать отказался, а Рудольф и не настаивал.

«Ты хотел еще к отцу на кладбище, здесь совсем рядом...» — предложил наш гид в слабой надежде на «шекспировский» план, но Рудольф холодно ответил: «Я передумал».

Рудольф Нуреев: таким он и ушел от нас навсегда...

Какое происхождение — 1998 — 17 марта — с. 18.

В машине молчал, игнорируя общество сестры и племянника, но вдруг издал восхищенный возглас: «Розид, что это?!» «Да ты что, Рудик, это же рябина! Неужели не помнишь?» — изумилась сестра. Алые кровавые капельки с налипшими на них комьями снега, очевидно, произвели на него большое впечатление, и он неожиданно легко «купился» на предложение выйти из машины и просто побродить по набережной Белой.

«Не русский я, но россиянин...» — написал давным-давно Мустай Карим, народный башкирский поэт. И эту хрестоматию навропроса учили в детсадах и школах, это знали все. А татарин следующего поколения

Рудольф Нуреев свою нерусскость трактовал совсем иначе: «Я не могу точно определить, что значит для меня быть татарин, а не русским, но я ощущаю эту разницу. Наша татарская кровь течет как-то быстрее и готова вскипеть всегда... Мы — странная смесь нежности и грубости. Татарин — хороший комплекс звериных черт, и это то, что есть я».

Перечитывая его «Автобиографию», изданную в Лондоне, понимаешь: он никогда бы здесь не выжил — «комплекс» не позволил бы. «Где родился — там и содился» — это заведомо о других, менее амбициозных, у которых кровь закипает не столь быстро и кипит не так бурно.

...И все-таки победителей время от времени тянет возвращаться, хотя, как известно, «...даже если пепелище выглядит вполне, не найти того, что ищешь, ни тебе, ни мне...» Для этого они придумывают разные предлоги, порой самые нелепые.

Бывший директор Башкирской оперы Ирик Ахмадеев, кому в театр в 1987-м как раз и навелась Нуреев, вспоминает: «В 1991-м Владимир Вайс, бывший дирижер Большого, мне как-то говорит: «Я только что из Австралии, работал с Нуреевым. Он дирижировал. У него шикарная программа «Rudolf Nureyev & Friends». Вот бы его к тебе в Ялту на «Бархатные сезоны». Вайс дал мне связь через

Кургапкину в Ленинграде, куда Нуреев должен был прилететь.

Вайс же, по сути, и был его первым учителем, он даже давал ему уроки. Я Нуреева вычислил и позвонил: «Приезжайте. Дорога ваша. Здесь я вас принимаю, и крымский оркестр — ваш». (У него была идефикс дирижировать в «Шахерезаде».) И он дал согласие (!), но сказал, что обещал Гергиеву впервые встать за пульт в Ленинграде. Обмолвился, что у него как у дирижера много слабых мест и что он не всегда чувствует себя комфортно. Меня это откровение тронуло — я позвонил своему приятелю Равилу Мартынову, дирижеру, профессору Ленинградской консерватории, — у него свой симфонический оркестр. Объяснил, что пытаюсь заполучить Нуреева, просил помочь с уроками. Равиль в Ленинграде нашел Нуреева и предложил свои услуги. А Рудольф как-то так ему ответил... Свысока... Мол, приезжай и поучи... Ну и Равиль, понятно, в долгу не остался... Так что получилось, как в никулинском анекдоте: два поезда вышли навстречу друг другу, но не встретились. Не судьба. А что такое судьба? Все остальное, что — случилось».

...Вспоминаю скупой телесюжет — пару слов в объектив из «благодарного Ленинграда» в 1992-м. Изможденное лицо, печать близкой кончины. Голос: «Сцена, занавес, все, что за ним происходит, — вот моя страна, вот моя национальность и вот мое место жительства». В этой стране он прописан навечно. В нашей реальности ему оставалось еще три месяца.

Гузель АГИШЕВА. Фото ИТАР-ТАСС.